

поставление в митрополиты Даниила. Поэтому естественно, что рассматриваемое обвинение должно было разбираться именно на соборе 1525 г.

Вопрос о порядке поставления русских митрополитов был вопросом не только церковным, но и политическим. После Флорентийской унии, признать которую отказались русская церковь и великокняжеская власть, русские митрополиты стали поставляться собором русских епископов в Москве без санкции константинопольского патриарха. Окончательно новый порядок поставления утвердился во второй половине XV в., после завоевания Константинополя турками. Для оправдания этого порядка, являвшегося нарушением канонических правил, была создана теория о том, что греческое православие вследствие подчинения греческой церкви неверным «изрушилось», потеряло свою чистоту. Эта теория выражена, в частности, в формуле, которая в 1475 г. в связи с поставлением в Константинополе на литовскую кафедру Спиридону Сатаны была внесена в обещательные грамоты вновь поставляемых русских архиереев: «а к митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатана, взыскавшему поставления во области безбожных турок от поганого царя или кто будет иной митрополит, поставлен от латыни или от турскаго области, не приступати мне к нему»² Здесь поставление от патриарха, находящегося под властью «безбожных» турок, приравнивается к поставлению от латинян и тем самым объявляется недопустимым. В действительности за отрицанием права константинопольского патриарха на поставление скрывалось стремление русской церкви к установлению автокефальности. Это стремление было порождено процессом создания Русского централизованного государства. Оно являлось одной из сторон этого процесса и поэтому поддерживалось великокняжеской властью.

Взгляды Максима Грека на поставление русских митрополитов противоречили, таким образом, национальным устремлениям русской церкви и политике великокняжеского правительства. Теоретические основы, из которых исходил при этом Максим Грек, изложены в его произведении, написанном в связи с занятием Даниилом митрополичьей кафедры³. Оно называется «Сказание ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не примати поставления на митрополию и на владычество от римскаго папы латынския веры и от цареградского патриарха аки во области безбожных турок поганого царя, и поставленнаго от них не примати». В «Сказании» Максим Грек полемизирует с той формулировкой теории «изрушения» греческого православия, которая была внесена в обещательные грамоты вновь поставляемых архиереев. Он высказывает мысль, что если отказ от поставления римским папой является правильным (папа отпал от «лика православных архиереев»), то этого нельзя сказать об отказе принимать поставление от константинопольского патриарха: тот факт, что в Константинополе утвердились нечестивые цари, не означает еще нарушения чистоты православия; в связи с этим Максим напоминает, что в первые триста лет своего существования до Константина Великого церковь также находилась под властью нечестивых царей, но не осквернялась, а сияла среди нечестия, как солнце, и ни один народ не отпадал от нее⁴. Идеальный стержень «Сказания» составляло представление о неоскверняемости чистоты церкви фактом подчинения ее неверным.

Это представление находилось, как нам кажется, в связи с глубокой преданностью Максима его родине. Попав в Россию и оставшись в ней по воле судьбы навсегда, став участником борьбы, происходившей в русском

² Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, стр. 695.

³ В. Ф. Р ж и г а. Опыты по истории русской публицистики XVII века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 27.

⁴ Сочинения Максима Грека, т. II. Казань, 1897, стр. 126.